

ПОЛ ДЬЮКС

БРИТАНСКАЯ ШПИОНСКАЯ

СЕТЬ

ВОСПОМИНАНИЯ
ТАЙНОГО
АГЕНТА

МИ-6

В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Пол Дьюкс

**Британская шпионская сеть в
Советской России. Воспоминания
тайного агента МИ-6**

«Центрполиграф»

1922

УДК 327.84
ББК 84(4)

Дьюкс П.

Британская шпионская сеть в Советской России. Воспоминания
тайного агента МИ-6 / П. Дьюкс — «Центрполиграф», 1922

ISBN 978-5-9524-5598-6

Офицер британской внешней разведки Пол Дьюкс, известный как «человек с сотней лиц», в настоящих мемуарах рассказывает о своей шпионской деятельности в революционной России. Действуя под разными прикрытиями, самым дерзким из которых была личность сотрудника ЧК, Дьюкс успешно получал доступ во многие советские учреждения, изучал внутреннюю работу Политбюро, передавая сведения о ней в Лондон. Вернувшись в Великобританию, за свою секретную службу был удостоен рыцарского звания. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 327.84

ББК 84(4)

ISBN 978-5-9524-5598-6

© Дьюкс П., 1922
© Центрполиграф, 1922

Содержание

Пол Дьюкс	5
От автора	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пол Дьюкс
Британская шпионская сеть в Советской
России. Воспоминания тайного агента МИ-6

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2021

* * *

Нет ничего важнее для национального прогресса, чем спонтанное развитие индивидуального характера... Раньше независимой мысли угрожали монархи, боявшиеся вызвать недовольство подданных. Возможно ли, что ей снова грозят уже иные формы нетерпимости, пусть даже и в народном государстве?
Джеймс Брайс. Современные демократии

От автора

Если был в истории такой период, когда люди слепо шли не за звездами, а за лозунгами и штампами, то это происходит именно сейчас. В суматохе событий, непрерывно захлестывающих человечество, все сильнее размывается суть привычных слов. Не только такие абстрактные понятия, как свобода, равенство и братство, но и более конкретные и лишь недавно вошедшие в обиход, такие как пролетариат, буржуазия, Советы, уже успели как бы подернуться плесенью, которая скрывает их истинный смысл, и каждый раз, когда их произносят, нужно заново давать им определение.

Феномен красной России – это квинтэссенция триумфа штампов, лозунгов и политических ярлыков над разумом. Уставший от войны и политиканства русский народ легко поддался тем, кто сумасбродно обещал ему такое, чего никто не в силах дать, и меньше всего сами обещавшие. Как оказалось, громкие фразы вроде «Вся власть Советам», которые обладали тайной силой до того, как придумавшие их взяли в свои руки бразды правления, либо вообще не имеют никакого смысла, либо их наделяют каким-то произвольным смыслом, постоянно меняющимся и совершенно непредсказуемым. Точно так же демагоги всюду наделяют слова «рабочие», «буржуазия», «пролетариат», «империалистический», «социалистический», «кооперативный», «советский» и тому подобные произвольными смыслами, которые сегодня у них значат одно, а завтра – другое, смотря что требуется по обстоятельствам.

Крайние противники большевизма, особенно из числа русских, грешат этим в не меньшей степени, чем его крайние сторонники, причем без какой-либо выгоды для себя даже в рамках своего собственного класса. Ведь именно их безрассудными перегибами, как и искажением идей со стороны ультрарадикалов, и объясняется появление в определенных кругах необычайно странной аномалии – людей с пытливым умом, но без достаточных знаний – «салонных большевиков». Нам никогда не возродить ясность мысли и представлений, если не вернуть словам их точный смысл, а на это уйдут многие годы.

Именно этот разлад между реалиями большевистской России и фразеологией красных вождей поразил меня больше, чем что-либо другое. Вскоре я пришел к выводу, что эти отточенные, броские лозунги были придуманы в первую очередь для того, чтобы вести пропаганду в иностранных государствах, ведь в своих газетах для внутреннего пользования большевики иногда позволяют себе неожиданные приступы искренности и описывают свои неудачи в таких выражениях, которые могли бы соперничать с выпадами их самых заклятых врагов. Но они все равно цепляются за такие несообразные термины, как «рабоче-крестьянское правительство» и «диктатура пролетариата».

К этим-то противоречиям я и постарался привлечь внимание на нижеследующих страницах. Мой взгляд – это не взгляд профессионального политика, социального реформатора или ловкого репортера, но простого обывателя, «человека с улицы». Советское правительство обвинило меня, как сотрудника разведки, в заговорах с целью его свержения. Но я приехал в Россию не для того, чтобы строить заговоры, а чтобы разобраться в ситуации. Советское правительство дало мне не самые удачные рекомендации, и да простит мне читатель, если я позволю себе привести парочку самых вопиющих. В конце 1920 года из министерства иностранных дел мне сообщили о том, что 16 февраля 1920 года в Москве казнили некоего мистера Чарльза Дэвидсона и что на требование британского правительства дать объяснения по этому поводу советские власти ответили, что мистер Дэвидсон расстрелян как соучастник моей «провокационной деятельности». Однако о существовании мистера Дэвидсона я узнал только из письма министерства. Далее, по случаю недавнего наступления генерала Юденича на Петроград, большевистское правительство заявило, что я подстрекал к созданию «белого» правительства, которое должно было захватить власть после падения города, и даже опубликовало

список примерно из дюжины министров, которых я якобы назначил. Но я не только не имел никакого отношения к упомянутому правительству и не подозревал о нем, но и самих предполагаемых министров, за одним исключением, не знал даже по имени, а исключением был один господин, о котором я где-то когда-то слышал, но никоим образом с ним не общался.

Не хочу утомлять себя и читателя перечислением здесь многих аналогичных примеров. Из тех лиц, с кем меня связывает большевистское правительство, мне знакомы лишь несколько имен. В большинстве своем это люди, с которыми я никогда не встречался и, более того, не слышал о них. Даже из англичан, мужчин и женщин, которых большевики арестовали как моих «соучастников» и в отдельных случаях продержали их за решеткой больше года, я знал лишь немногих. И только с одним я хоть как-то общался в качестве сотрудника разведки. Несколько человек, с которыми я встречался впоследствии, сообщили мне любопытные подробности о том, что, арестовывая их, как и многих невиновных жителей России, большевики ссылались на «дневник», который я якобы вел и якобы упомянул там их имена. Очевидно, этот «дневник» также демонстрировали иностранным посетителям из числа сочувствующих как неопровержимое доказательство причастности упомянутых русских и британских граждан к моим многочисленным «заговорам»! Нужно ли говорить, что, несмотря на всю мою неопытность в искусстве и науке разведки, я с самого начала взял себе за непреложное правило никогда в своих записях не упоминать никаких настоящих имен или адресов, разве что таким способом, который понятен только мне одному и больше ни единой живой душе, да и притом моим единственным «дневником» были записи, которые частично и легли в основу этой книги и которые я вел во время кратких приездов в Финляндию, о чем я расскажу на нижеследующих страницах.

Само собой разумеется, что эта книга предназначена не для того, чтобы исправлять данные ошибки советского правительства. При написании ее невозможно было совместить точность повествования с успешной маскировкой людей и мест. В силу этого часть книги, посвященная моему личному опыту, имеет пробелы и представляет собой набор эпизодов с участием нескольких лиц, и я попытался сплести из этих разрозненных эпизодов более или менее связный рассказ о той необычайной цепи обстоятельств, которая привела к тому, что мне пришлось руководить разведывательной службой в России почти целый год, а не пару месяцев, как изначально предполагалось. Я не останавливался на своих последующих поездках в Белоруссию, Северную Украину и Литву, поскольку мои тамошние наблюдения лишь подтвердили выводы об отношении русского крестьянства к революции, к которым я пришел раньше. Думаю, что в этой книге мне удалось добиться того, что я не мог не считать необходимым, а именно скрыть истинных участников событий за путаницей людей и мест (за исключением одного или двух случаев, которые сейчас уже не представляют важности) в достаточной степени для того, чтобы большевистские органы не вышли на их след.

«Даже считая некую точку зрения несостоятельной или план – неосуществимым, – говорит виконт Брайс в „Современных демократиях“, – нужно с сочувствием относиться ко всем искренним стремлениям улучшить наш несовершенный мир, признав, что многое нуждается в изменении и что множество доктрин, когда-то считавшихся неопровержимыми, требуют пересмотра в свете новых фактов». Коммунистических экспериментов это касается не меньше, чем любых иных. Если в своей книге я почти исключительно сосредоточился на позиции русского народа, а не его нынешних правителей, то могу лишь сказать, что именно за этим я и отправился в Россию – чтобы выяснить отношение народа. Результаты, к которым приведет большевистская революция, будут очень далеки от тех, на какие рассчитывают ее сторонники, однако из ошибок и просчетов коммунистов, из их фанатичного стремления облегчить участь людей, пусть даже с помощью принуждения и кровопролития, нам предстоит извлечь уроки, которые принесут неизмеримое благо всему человечеству. Однако главным и самым воодушевляющим уроком из всех будет невероятный пример того, как русский народ с поразительным терпением

и нестигаемой стойкостью преодолеет свои нынешние и, быть может, еще горшие бедствия и одержит победу благодаря неколебимой вере в истины того мировоззрения, которое у коммунистов зовется «опиумом народа».

Часть первая

Глава 1

Человек из толпы

Снег ярко искрился в морозных лучах весеннего дня 11 марта 1917 года¹. Невский проспект был почти безлюден. В воздухе дрожало возбуждение, и казалось, будто из предместий этого красивейшего города Петра доносится низкий приглушенный гул как бы множества голов. Гневные, страстные голоса грохотали далеким громом, а в самом центре города было тихо и спокойно. Тут и там стояли или размеренно вышагивали по улицам конные патрули. На белом снегу алели пятна крови, а с верхнего конца проспекта все еще доносился прерывистый треск винтовок.

Как неподвижно лежали там эти трупы! На лицах застыли жуткие оскалы. Кем они были, как умерли? Кто знал о них, кому до них было дело? Может быть, матери, жене... Стычка произошла рано утром. Толпа... крик... команда... залп... паника... пустая улица... тишина... и кучка трупов, страшных, неподвижных в холодных лучах солнца!

Поперек широкой проезжей части растянулся полицейский кордон, переодетый солдатами, они лежали и периодически постреливали. Маскировка была попыткой обмануть, ведь, как известно, армия перешла на сторону народа. «Скоро, – механически повторял я снова и снова, представляя себе великий катаклизм, ужасный и ошеломляющий, но горячо ожидаемый. – Это может случиться в любой момент – завтра, послезавтра...»

И завтра что был за день! Я видел, как вышли первые революционные полки, был свидетелем того, как разъяренная чернь разграбила арсенал. За рекой солдаты вломились в «Кресты». Все сметающие толпы со всех сторон хлынули к зданию Думы в Таврическом дворце, а ближе к вечеру, после того как царскую полицию разогнали на Невском проспекте, поднялся мощный рокот, благоговейный шепот миллиона губ: «Революция!» Начиналась новая эра. Революция, мнилось мне, станет провозглашением независимости для России! В своем воображении я представлял себе огромный маятник, отягощенный грузом накопленных бед и невзгод 180 миллионов человек, который внезапно пришел в движение. Далеко ли он качнется? И сколько раз? Когда и где он остановится, израсходовав громадный запас скрытой в нем энергии?

Поздно вечером я стоял у Таврического дворца, ставшего центром революции. В большие ворота никого не пускали без пропуска. Я отыскал место в ограде между воротами и, пока никто не смотрел, влез на нее, спрыгнул с другой стороны и побежал через кусты прямо к главному портику. Там я скоро встретил нескольких знакомых – товарищей еще со студенческих дней, революционеров. И что за зрелище предстало передо мной во дворце, еще недавно столь тихом и величественном! Во всех залах и коридорах вповалку спали усталые солдаты. Сводчатый вестибюль, по которому раньше молча туда и сюда бегали думцы, чуть ли не до потолка был забит всякими телегами, багажом, оружием и боеприпасами. Всю эту и следующую ночь я вместе с революционерами трудился над тем, чтобы превратить Таврический дворец в революционный арсенал.

Так началась революция. А потом? Теперь уже всем известно, как разбились надежды на свободу. Враг России Германия, отправившая пролетарского диктатора Ленина вместе с его клеветами в Россию, поистине сумела найти ахиллесову пятую русской революции! Сейчас

¹ Все даты в книге указаны по новому стилю, который в России был принят в январе 1918 года. 11 марта 1917 года соответствует 26 февраля по старому стилю. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иного.)

уже ни для кого не секрет, как увяли ее цветы под мертвящим дуновением классовой войны и как Россию вновь ввергли в голод и крепостничество. Я не стану задерживаться на этом. Моя история относится к тому времени, когда они уже стали жестокой реальностью.

Мои воспоминания о первом годе большевистской власти смешались в калейдоскопическую панораму впечатлений, полученных во время поездок из города в город, когда приютившись в углу набитого товарного вагона, когда устроившись с комфортом, когда на подножке, а когда и крыше или буфере. Формально я состоял на службе в министерстве иностранных дел Великобритании, но, после того как Англо-русская комиссия (членом которой я был) покинула Россию, я стал сотрудничать с американской юношеской христианской организацией YMCA² и занимался гуманитарной помощью. Через год после революции я оказался в городе Самара, где тренировал отряд бойскаутов. Когда таяли зимние снега и весеннее солнце лучилось весельем и радостью, я проводил парады и вместе с моими американскими коллегами устраивал загородные прогулки и спортивные занятия. Новые пролетарские законодатели косо смотрели на наши маневры, но их слишком заботила экспроприация «буржуазной» собственности, чтобы тратить время на «контрреволюционных» скаутов, даже несмотря на их явный антибольшевистский настрой. «Будь готов!» – таким приветствием встречали скауты друг друга на улице. И ответное «Всегда готов!» было исполнено для них глубокого смысла, который усиливался их мальчишеским энтузиазмом.

Потом, однажды, когда я находился в Москве, мне вручили неожиданную срочную телеграмму из британского министерства иностранных дел. «Вас немедленно вызывают в Лондон», – гласила она. Я тут же выехал в Архангельск. Москва, с ее беспорядками, политическими распрями, сжимающимися тисками голода, контрреволюционными заговорами, с графом Мирбахом и его германскими интригами, осталась позади. Весть о его убийстве произвела эффект разорвавшейся бомбы. Перегнувшись через борт беломорского парохода, находясь в тысяче километров от Москвы, я проклял свою удачу, что не дала мне остаться в столице. Я стоял и смотрел, как солнце клонится к горизонту, парит огненным овалом на границе сверкающего моря, касается воды и, не скрываясь, поднимается вновь, празднуя победу безночного полярного лета над мраком. Затем Мурманск и вечный день, эсминец до Печенги, буксир до норвежской границы, десятидневное путешествие вокруг мыса Нордкап, по сказочной стране норвежских фьордов до Бергена, и, наконец, извилистым курсом, уворачиваясь от подводных лодок, через Северное море в Шотландию.

В Абердине комендант получил приказ отправить меня первым же поездом до Лондона. У вокзала Кингс-Кросс ждала машина, и меня, не знавшего ни куда меня везут, ни зачем меня вызвали, доставили к какому-то зданию в переулке недалеко от Трафальгарской площади. «Сюда», – сказал шофер, выходя из машины. Лицо шофера походило на маску. Мы вошли в здание, и лифт доставил нас на последний этаж, над которым были надстроены дополнительные помещения для служб военного времени.

Лабиринты всегда ассоциировались у меня с подземными ходами, но здесь, в этом здании, на крыше меня ждали настоящие катакомбы барсучьих нор с проходами, коридорами, укромными уголками и закоулками, беспорядочно стыкованными друг с другом. Выйдя из лифта, мой провожатый повел меня вверх по лестнице, настолько узкой, что кто потолще, наверно, на ней бы застрял, затем вниз по такой же лестнице с другой стороны, под деревянными арками, такими низкими, что нам приходилось наклоняться, за какие-то внезапные углы и потом опять вверх по лестнице, которая и вывела нас на крышу. Перейдя короткий железный мостик, мы стали петлять по новому лабиринту, пока у меня не закружилась голова и мы

² Young Men's Christian Association – волонтерская благотворительная организация, известная, в частности, организацией детских лагерей, ставящая целью нравственное, умственное и физическое развитие.

наконец не добрались до комнатухи площадью примерно десять на десять футов³, где сидел офицер в форме британского полковника. Бесстрашный шофер объявил о моем приходе и удалился.

– Добрый день, мистер Дьюкс, – сказал полковник, вставая и приветствуя меня сердечным рукопожатием. – Рад вас видеть. Вы, конечно же, удивлены, что вас вызвали в Англию, не дав никаких объяснений. Что ж, должен конфиденциально вам сообщить, что есть мысль предложить вам довольно ответственный пост в службе внешней разведки.

Я раскрыл рот.

– Но мне же никогда... – Я запнулся. – Могу я спросить, что от меня требуется?

– Разумеется, – ответил он. – У нас есть причины полагать, что Россия недолго останется открытой для иностранцев. Мы хотели бы, чтобы кто-то остался там и держал нас в курсе происходящих событий.

– А как же моя теперешняя работа? – заметил я. – Это важное дело, и если я его брошу...

– Мы предвидели это возражение, – ответил полковник. – Должен сказать вам, что в условиях военного положения мы имеем право в случае необходимости призвать вас на службу. Вы прикреплены к министерству иностранных дел. Наша организация также работает совместно с министерством, с которым по данному вопросу проведены консультации. Конечно, – язвительно прибавил он, – если вас беспокоит риск или опасность...

Я забыл, что ответил ему, но он не стал углубляться.

– Очень хорошо, – продолжил он. – Обдумайте все и возвращайтесь завтра в половине пятого. Если у вас не найдется убедительных причин для отказа, мы будем считать вас нашим сотрудником, и я сообщу вам дальнейшие детали.

Он позвонил в звонок. Появилась молодая женщина и проводила меня до выхода, пробравшись сквозь путаницу коридоров, как мне показалось, с достойной изумления ловкостью.

Сгорая от любопытства и уже загипнотизированный тайнами этого надземного лабиринта, я рискнул задать вопрос моей провожатой.

– Что это за учреждение? – спросил я.

Я заметил огонек в ее глазах. Она пожала плечами и, не ответив, нажала кнопку лифта.

– Доброго дня, – сказала она, пропуская меня в кабину.

На следующий день уже другая девушка провела меня вверх-вниз по узкой лестнице до кабинета полковника. Я нашел его в довольно просторной комнате с мягкими креслами и книжными шкафами во все стены. По-видимому, он считал совершенно естественным, что мне нечего было сказать.

– Я вкратце объясню вам, что нам от вас нужно, – начал он. – Потом можете высказать все, что хотите, и я провожу вас на собеседование к... э-э-э... к шефу. Если в двух словах, мы хотим, чтобы вы вернулись в Советскую Россию и присылали нам отчеты о тамошнем положении дел. Мы хотим быть полностью в курсе того, что думают все слои общества, знать, какой поддержкой пользуется правительство большевиков, как развивается и меняется его политика, каковы перспективы смены режима или контрреволюции и какую роль во всем этом играет Германия. Что же касается способа проникновения в страну, прикрытия, под которым вы будете там жить, и как будете присылать свои отчеты, то мы оставляем это на ваше усмотрение, так как никто лучше вас не знает местных условий.

Он изложил свои взгляды на Россию и попросил меня подтвердить их или поправить, а также назвал имена нескольких англичан, с которыми я мог бы вступить в контакт.

– Я узнаю, готов ли... э-э-э... шеф, – наконец сказал он, вставая. – Вернусь через минуту.

Комната выглядела обычным кабинетом, но на столе не было никаких бумаг. Я встал и оглядел полки с книгами. Мое внимание привлекло прекрасно переплетенное собрание сочи-

³ Около 9 м².

нений Теккеря, кажется, в зеленом марокене⁴. Одно время я баловался переплетным делом, и книги в художественных переплетах с тех пор никогда не оставляют меня равнодушным. Я снял с полки томик «Истории Генри Эсмонда». К моему недоумению, книга никак не хотела раскрываться, пока я случайно не провел пальцем, как мне казалось, по обрезу, и вдруг она открылась сама собой и оказалась шкатулкой! В изумлении я чуть не уронил ее, и на пол выскользнул бумажный лист. Я торопливо подхватил его и заглянул. В заголовке значилось *Kriegsministerium, Berlin* (военное министерство, Берлин), ниже был отпечатан герб Германской империи, и весь лист был исписан мелким почерком на немецком языке. Я едва успел сунуть его обратно в шкатулку и поставить том на полку, как вернулся полковник.

– Э-э-э... шефа нет, – сказал он, – но вы сможете встретиться с ним завтра. Вас интересуют книги? – прибавил он, заметив, что я смотрю на полки. – Я их коллекционирую. Вот, не хотите ли взглянуть, любопытная старинная биография кардинала Ришелье. Я купил ее за шиллинг на Чаринг-Кросс-Роуд.

Упомянутая книга стояла непосредственно над «Генри Эсмондом». Я с опаской взял ее с полки, ожидая, что сейчас что-нибудь произойдет, но это была всего лишь ветхая книга на французском языке с надорванными и испачканными страницами. Я сделал вид, что заинтересован.

– Думаю, больше здесь особо не на что смотреть, – как бы невзначай бросил полковник. – Ну, до свидания. Приходите завтра.

Мне было невероятно интересно, что за «шеф» у этого учреждения и каким он окажется. Девушка загадочно улыбалась, провожая меня до лифта. Я вернулся туда на следующий день. Всю ночь я раздумывал, как же мне попасть обратно в Россию, но ничего не решил. В голове у меня было совершенно пусто, и все мои мысли были поглощены тайнами лабиринта на крыше.

И вновь меня проводили к полковнику. Мои глаза инстинктивно обратились к книжному шкафу. Полковник пребывал в добродушном настроении.

– Вижу, вам понравилась моя коллекция, – сказал он. – А вот, кстати, прекрасное издание Теккеря.

Сердце мое чуть не выпрыгнуло из груди!

– Самый роскошный переплет, который мне доводилось видеть в жизни. Не хотите ли взглянуть?

Я в упор посмотрел на полковника, но лицо его было непроницаемо, как маска. Я сразу же решил, что он хочет посвятить меня в секреты своего учреждения. Я живо встал и снял с полки «Генри Эсмонда», стоявшего ровно на том же месте, где я оставил его накануне. К моему полному замешательству, книга открылась совершенно естественным образом, и в руках у меня оказалось не более чем роскошное издание, богато иллюстрированное и отпечатанное на индийской бумаге! Я недоуменно уставился на полку. Никакого другого «Генри Эсмонда» там не было. Непосредственно над пустым местом, как и вчера, стояла биография кардинала Ришелье. Я положил книгу на место и, стараясь не выказать растерянности, повернулся к полковнику. Лицо его было бесстрастным, даже, можно сказать, скучающим.

– Великолепное издание, – повторил он как бы устало. – Теперь, если вы готовы, пойдемте к... э-э-э... к шефу.

Чувствуя себя полным болваном, я, заикаясь, согласился и последовал за ним. Идя по неразберихе лестниц и внезапных коридоров – какому-то дому Ашеров в миниатюре, я мельком заметил верхушки деревьев, сады на набережной Виктории, Темзу, Тауэрский мост и Вестминстер. По тому, как внезапно менялся угол зрения, я решил, что в действительности мы попросту крутимся в очень тесном пространстве, и, когда вдруг оказались на пороге просторного кабинета – святилища «э-э-э... шефа», – у меня возникло непреодолимое чувство, что

⁴ Марокен – вид тисненого сафьяна, применявшийся для дорогих книжных переплетов.

на самом деле мы сдвинулись всего на пару ярдов и что этот кабинет находится сразу же над кабинетом полковника.

Это была мрачноватая комната с низкими потолками на самом верху здания. Полковник постучал, вошел и встал по стойке смирно. Нервная и смущаясь, я последовал за ним с мучительным осознанием, что в ту минуту не смог бы разумно высказаться ни по одному вопросу на свете. С порога комната казалась погруженной в полутьму. Письменный стол был размещен перед окном таким образом, чтобы, войдя в комнату, глаза видели одни силуэты. Прошло несколько мгновений, прежде чем я сумел ясно различить хоть что-то. Полдюжины телефонных аппаратов выстроились в ряд слева от большого заваленного бумагами стола. Сбоку на обычном столе лежало множество карт и чертежей, модели аэропланов, субмарин и каких-то механических аппаратов, а разноцветные колбы и дистилляционное оборудование с пробирками на подставке свидетельствовали о том, что тут проводятся химические опыты. Эти признаки научных исследований только усиливали и без того уже неодолимую атмосферу необычности и тайны.

Но не это привлекло мое внимание, пока я стоял там и нервно ждал. Не колбы и не механизмы приковали мой взгляд. Глаза мои не отрывались от фигуры за письменным столом. В просторном вращающемся кресле, ссутулив плечи, оперев голову на руку, в одной рубашке без пиджака сидел и что-то быстро писал...

Увы, нет! Простите, я позволил себе забыть! Пока еще остаются вещи, которые я не имею права разглашать. Которые должны остаться покрытыми тайной. И одна из них заключается в том, кто была эта фигура в крутящемся кресле в этой полутемной комнате на верхнем уровне лабиринта на крыше дома возле Трафальгарской площади в тот августовский день 1918 года. Я не могу ни описать его, ни назвать какое-либо из его двадцати с лишним имен. Достаточно сказать, что при всем моем благоговении в ту первую встречу вскоре я стал относиться к «шефу» с чувством глубочайшего личного уважения и восхищения. Это был британский офицер и английский джентльмен высочайшей пробы, абсолютно бесстрашный и одаренный безграничными ресурсами интуиции и неординарного ума, и я могу считать одной из величайших удач своей жизни, что мне представился шанс войти в круг его знакомых.

Я увидел, как силуэт указывает мне на стул. Какое-то время шеф продолжал писать, потом вдруг повернулся и неожиданно заметил:

– Насколько я понимаю, вы хотите вернуться в Советскую Россию, не так ли? – Как будто я сам выступил с таким предложением.

Разговор оказался коротким и лаконичным. Часто повторялись слова «Архангельск», «Стокгольм», «Рига», «Гельсингфорс»⁵, упоминались имена англичан в этих городах и в Петрограде. В конце концов было решено, что я лично должен окончательно выбрать, каким способом и маршрутом вернуться в Россию и каким образом отправлять свои отчеты.

– Не дайте себя убить, – с улыбкой сказал шеф в заключение. – Отведите его к шифровщикам, – добавил он, обращаясь к полковнику, – и покажите лабораторию, научите обращаться с чернилами и так далее.

Мы вышли от шефа и через один лестничный марш очутились у дверей в кабинет полковника. Тот засмеялся.

– Со временем вы научитесь тут ориентироваться, – сказал он. – Пойдемте сразу же в лабораторию...

И здесь я накину занавес над лабиринтом на крыше. Три недели спустя я поехал в Россию, навстречу неизвестности.

Я решил первым делом попытаться проникнуть в страну с севера и отправился в Архангельск на борту войскового транспорта с американскими солдатами, в основном из Детройта.

⁵ Так на русском языке назывался город Хельсинки до 1926 года.

Но в Архангельске меня встретило намного больше трудностей, чем я ожидал. До Петрограда оставалось 600 миль⁶, и большую часть этого расстояния предстояло преодолеть пешком по незнакомым лесам и болотам. Дороги строго охраняли, и еще до того, как я успел разработать свой план, начались осенние бури, из-за чего болота и торфяники стали непроходимы. Но в Архангельске, поняв, что вернуться в Россию в качестве англичанина будет невозможно, я отрастил бороду и ничем не отличался от русского.

После неудачи в Архангельске я отправился в Гельсингфорс, чтобы попытать счастья со стороны Финляндии. Гельсингфорс, столица Финляндии, – суматошный городишко, кипящий жизнью и интригами. В то время, о котором я пишу, это была своего рода свалка для всех мыслимых и немыслимых слухов, клеветы и скандалов, которые отметали в других городах, но здесь с удовольствием глотали легковверные сплетники, особенно немцы и «старорежимные» русские, которые нашли для себя в этом городе спокойную гавань. Гельсингфорс был одним из самых нездоровых мест в Европе. Каким бы неудачным ветром меня ни заносило туда, я старался не высовываться, избегал людных мест и взял себе за правило говорить всем прямо противоположное о своих намерениях, даже если речь шла о самых пустяковых делах.

В британском консульстве в Гельсингфорсе меня представили агенту американской секретной службы, недавно бежавшему из России. Этот господин дал мне письмо к русскому офицеру в Выборге по фамилии Мельников. Городок Выборг, ближайший к русской границе из важных населенных пунктов, представлял собой осиное гнездо беженцев из России, контрреволюционеров-заговорщиков, немецких агентов и большевистских шпионов, и хуже его был разве что Гельсингфорс. Под видом средней руки коммивояжера я поехал в Выборг, снял номер в гостинице, где, как мне сказали, остановился Мельников, высмотрел его и вручил ему рекомендательное письмо. Оказалось, что это русский морской офицер высочайшей марки, и я интуитивно почувствовал к нему симпатию. Оказалось, что его настоящее имя не Мельников, но в тех краях многие брали себе несколько имен на разные случаи жизни. Моя встреча с ним была ниспослана свыше, поскольку выяснилось, что он работал с капитаном Кромби⁷, покойным британским военно-морским атташе в Петрограде. В сентябре 1918 года капитан Кромби был убит большевиками в британском посольстве, и по прибытии в Петроград я надеялся подобрать разорванные концы именно его разрушенной сети. Мельников был худощав, темноволос, коротко стрижен, голубоглаз, невысок и мускулист. Он был глубоко религиозен, и его снела ярая ненависть к большевикам – и не без оснований, поскольку они зверски убили и отца его, и мать, а сам он спасся лишь чудом.

– Ночью пришли с обыском, – поведал он мне свою историю. – У меня были документы, связанные с восстанием в Ярославле, их по моей просьбе хранила у себя моя мать. Красные потребовали пропустить их в комнату матери. Отец преградил им дорогу, сказал, что она одевается. Один матрос хотел протиснуться мимо него, отец рассердился и отшвырнул его в сторону. Грохнул выстрел, отец упал замертво на пороге комнаты матери. Я был на кухне, когда пришли красные, стал стрелять через дверь и убил двоих. На меня обрушился град пуль. Меня ранило в руку, и я еле-еле сумел сбежать по черной лестнице. Через две недели мать казнили из-за моих бумаг, обнаруженных у нее.

У Мельникова в жизни осталась одна-единственная цель – отомстить за смерть родителей. Только ради этого он и жил. Что же касается России, то он был отъявленным монархистом, поэтому я избегал разговаривать с ним о политике. Однако с самой минуты нашей встречи мы стали друзьями, и у меня возникло странное ощущение, будто мы уже виделись где-то раньше, давным-давно, хотя я точно знал, что это не так.

⁶ Около 1000 км.

⁷ Автор имеет в виду капитана 1-го ранга и сотрудника разведки Фрэнсиса Кромби. 31 августа 1918 года при попытке ареста в здании британского посольства Кромби оказал вооруженное сопротивление, застрелил и ранил нескольких чекистов и сам был убит в перестрелке.

Мельников чрезвычайно обрадовался, узнав о моем желании вернуться в Советскую Россию. Он обязался не только договориться с финскими пограничниками о том, чтобы тайно переправить меня через границу ночью, но и приехать в Петроград раньше меня и устроить мне там прикрытие. Финляндия и Советская Россия все еще находились в состоянии открытой вражды. Часто случались перестрелки, и обе стороны не спускали глаз с границы. Мельников дал мне два адреса в Петрограде, где я мог бы его найти: один больницы, при которой он раньше жил, а другой – небольшого кафе, которое до сих пор работало на частной квартире без ведома большевистских властей.

Пожалуй, Мельникову можно было простить грех пьянства. В Выборге мы провели вместе три дня, строя планы возвращения в Петроград, и за это время он выпил весь мой запас виски, кроме припрятанной мною бутылочки из-под лекарства. Убедившись, что в самом деле не осталось ни капли, Мельников объявил, что готов ехать.

Была пятница, и мы назначили мой отъезд через два дня, на вечер воскресенья 24 ноября. На листке бумаги Мельников написал пароль.

– Отдайте финскому патрулю, – сказал он, – третий по счету дом, деревянный, с белым крыльцом, слева от моста через границу.

В шесть часов он пошел к себе в номер и через несколько минут появился в таком преобразенном виде, что я едва его узнал. На нем было что-то вроде капитанской фуражки, которую он натянул до самых глаз. Он перепачкал себе лицо, и в сочетании с трехдневной щетиной это придавало ему поистине демонический вид. На нем было потрепанное пальто и темные брюки, а шею плотно обматывал шарф. Он смотрелся совершенным гопником, когда сунул крупный кольт в карман брюк.

– До свидания, – просто сказал он, протягивая мне руку, потом помолчал и добавил: – Давайте присядем на дорожку, по старому русскому обычаю.

По прекрасному обычаю, который в былые времена бытовал в России, при расставании друзья садятся и с минуту молчат, мысленно желая друг другу счастливого пути и удачи. Мы с Мельниковым сели друг против друга. Как горячо я желал ему успеха в опасном пути, куда он отправлялся ради меня! А вдруг его застрелят при переходе через границу? Об этом не узнаю ни я, ни кто другой на всем белом свете! Он просто исчезнет – еще один хороший человек падет, увеличив число жертв революции. А я? Что ж, и я могу последовать за ним! Все зависит от удачи, таковы уж правила игры!

– До свидания, – снова сказал Мельников.

Он повернулся, перекрестился и вышел из комнаты. На пороге оглянулся.

– В воскресенье вечером, – добавил он, – как штык.

У меня было странное чувство, как будто я должен что-то сказать, но слова не шли. Я быстро спустился за ним по лестнице. Больше Мельников не оборачивался. У двери на улицу он быстро осмотрелся по сторонам, еще сильнее надвинул фуражку на глаза и исчез в темноте – вперед, к приключению, которое в итоге стоило ему жизни. После этого я видел его еще только раз, недолго, в Петрограде, при драматических обстоятельствах – но об этом расскажу позже.

В ту ночь я мало спал. Все мои мысли были о Мельникове, который глубокой ночью где-то рисковал своей жизнью, обходя красные дозоры. Я был уверен, что он встретит опасность со смехом, если попадет в переделку. Его сатанинский хохот будет таков, что развеет все подозрения большевиков! Да и разве с ним не всегда его верный кольт – на крайний случай? Я думал о его прошлом, о его матери и отце, об истории, которую он мне рассказал. Наверно, его руки так и чешутся выстрелить из этого кольта!

На следующее утро я встал рано, но делать мне было нечего. Так как наступила суббота, еврейские лавки на обычно людном маленьком рынке позакрывались, и работали только финские. Большая часть одежды, которую я предполагал надеть, уже была приобретена, но в тот день и в воскресенье утром, когда открылись еврейские лавки, я докупил еще две-три мелочи.

Мой костюм состоял из русской рубахи, черных кожаных штанов, черных сапог, потрепанного кителя и старой кожаной кепки с меховой опушкой и кисточкой наверху – кепки в таком духе носят финны севернее Петрограда. С косматой черной бородой, которой я к тому времени порядком зарос, и нестриженными лохмами, свисавшими мне на уши, я являл собой ту еще картину, и в Англии или Америке, вне всяких сомнений, меня признали бы крайне нежелательным иностранцем!

В воскресенье ко мне зашел офицер, друг Мельникова, убедиться, что я готов. Я знал его по имени-отчеству как Ивана Сергеевича. Это был симпатичный малый, любезный и тактичный. Как и многие другие беженцы из России, он сидел без денег и пытался заработать на пропитание для себя, жены и детей контрабандой, доставляя в

Петроград финские деньги и масло, где то и другое можно было продать с большой выгодой. В силу этого он был на короткой ноге с финскими пограничниками, которые тоже занимались такой торговлей.

– У вас уже есть какой-нибудь паспорт, Павел Павлович? – спросил меня Иван Сергеевич.

– Нет, – ответил я, – Мельников сказал, что паспорт мне дадут пограничники.

– Да, так лучше всего, – сказал он, – у них есть большевистские печати. Но мы еще собираем паспорта всех беженцев из Петрограда, они нередко идут в дело. И если что-нибудь случится, помните – вы спекулянт.

На всех, кто занимался частной куплей-продажей еды или одежды, большевики навесили ярлык спекулянтов. Участи перекупщика не позавидуешь, но лучше уж было оказаться им, нежели тем, кем я был на самом деле.

После наступления темноты Иван Сергеевич проводил меня до вокзала и часть пути проехал со мною в поезде, хотя сидели мы порознь, чтобы меня не видели в компании с лицом, известным как русский офицер.

– И помните, Павел Павлович, – сказал Иван Сергеевич, – если будет нужно, обязательно приходите ко мне на квартиру. Там осталась моя старая экономка, она впустит вас, если скажете ей, что вы от меня. Но не показывайтесь на глаза швейцару – он большевик – и старайтесь, чтобы про вас не прознали в домкоме, потому что они обязательно поинтересуются, кто это ходит в дом.

Я был благодарен ему за это предложение, которое оказалось весьма полезным.

Мы сели на поезд в Выборге в разных концах купе, притворяясь, что незнакомы. Когда поезд остановился, Иван Сергеевич вышел, коротко оглянувшись на меня, но мы опять не подали виду, что знаем друг друга. Я уныло съехал у себя в уголке, меня охватило неизбежное в подобных обстоятельствах чувство, будто все на меня смотрят. Казалось, сами стены и лавки обладают глазами!

Вон тот тип, разве он не взглянул на меня, причем дважды? А вон та женщина то и дело подсматривает за мной (как мне казалось) краем глаза! Мне дадут добраться до границы, а потом донесут красным о моем приезде! Я вздрогнул и был готов проклясть себя за то, что согласился на эту безумную авантюру. Но пути назад уже не было! *Forsan et haec olim meminisse juvabit*, сказал Вергилий. (В школе я писал эту фразу на учебниках латыни – я ее ненавидел.) «Может быть, и это когда-нибудь будет приятно вспомнить» – слабое, надо сказать, утешение в передрыге, когда на твою шею накинута петля. Однако позднее такие приключения действительно забавно вспоминать.

Наконец поезд остановился на станции Раяйоки, последней на финской стороне границы. Стояла кромешно темная, безлунная ночь. До границы оставалось полмили, и я побрел по рельсам в сторону России, вниз, к деревянному мосту через пограничную речку Сестру. Я с любопытством глядел на мрачные дома и тусклые мерцающие огни на другом берегу. Это была моя обетованная земля, но она текла не молоком и медом, а кровью. Финский часовой стоял на своем посту у шлагбаума на мосту, а в двадцати шагах от него, на другой стороне, стоял

красный часовой. Я повернул влево от моста и стал искать дом финского патруля, к которому меня направили.

Найдя маленький деревянный домик с белым крыльцом, я робко постучался. Дверь открылась, и я вручил листок бумаги с паролем, который дал мне Мельников. Финн, открывший дверь, рассмотрел листок в свете замызганной коптилки, потом поднес ее к моему лицу, пристально уставился на меня и, наконец, сделал знак войти.

– Заходите, – сказал он. – Мы вас ждали. Как настроение?

Я ничего не сказал ему про свои настоящие чувства, но бодро ответил, что настроение прекрасное.

– Вот и правильно, – сказал он. – Вам повезло, что сегодня так темно. Неделю назад одного из наших подстрелили, когда он перебирался через реку. Тело упало в воду, мы пока так и не сумели его выловить.

Похоже, это был финский способ меня подбодрить.

– А с тех пор еще кто-нибудь переходил? – поинтересовался я с напускным равнодушием.

– Только Мельников.

– И благополучно?

Финн пожал плечами.

– Переправить-то мы его переправили... а дальше не знаю.

Финн этот был тощий тип, похожий на покойника. Он провел меня в крошечную кухню, где трое мужчин сидели вокруг коптящей масляной лампы. Окно было плотно занавешено, и в комнате стояла невыносимая духота. Стол покрывала грязная скатерть, на ней – несколько ломтей черного хлеба, какая-то рыба и самовар. Все четверо финнов были плохо одеты и выглядели очень неопрятно. Они хорошо говорили по-русски, но между собой переговаривались по-фински. Один из них сказал что-то Покойнику, кажется, упрекнул его за то, что он рассказал мне о неудачном переходе неделю назад. Покойник отвечал несколько раздраженно.

– Мельников – безмозглый недотепа, – упорствовал Покойник, он, видимо, был у них за главного. – Мы ему говорили: не глупи, не ходи назад в Петроград. Красно-пузые везде его ищут, его внешность знают во всех подробностях. Но ему так и втемяшилось идти. Наверно, нравится ходить с петлей на шее. С вами, надеюсь, все иначе. Мельников говорит, вы какая-то шишка, но это нас не касается. Вот только краснопузые англичан не жалуют. На вашем месте я бы ни за что туда не пошел. Но, конечно, это ваше дело.

Мы сели закусить хлебом и рыбой. Самовар кипел, и, пока мы упивались слабеньким чаем из немытых стаканов, финны рассказали мне последние петроградские новости. По их словам, хлеб подорожал примерно в 800 или 1000 раз по сравнению со старой ценой. Люди прямо на улице рубят на мясо лошадиные трупы. Всю теплую одежду реквизируют и передали Красной армии. Чрез-вычайка (Чрезвычайная комиссия, или ЧК) арестовывает и расстреливает и рабочих, и интеллигенцию. Зиновьев угрожает истребить всех буржуев, если еще кто-нибудь попытается чинить препятствия советскому правительству. Когда убили еврейского комиссара Урицкого, Зиновьев расстрелял больше 500 человек в один присест – дворян, профессоров, офицеров, журналистов, учителей, мужчин и женщин, а потом красные распространили список из еще 500 человек, которых расстреляют в случае нового покушения на кого-либо из комиссаров. Я терпеливо слушал, считая большую часть этих рассказов плодом финского воображения.

– Вас будут часто задерживать для обыска, – предупредил меня Покойник, – и не носите с собой свертков – их у вас отнимут на улице.

После ужина мы сели обсудить план перехода. Финн-Покойник взял карандаш и бумагу и набросал примерную карту границы.

– Мы посадим вас в лодку в том же месте, что и Мельникова, – сказал он. – Тут оба берега заросли лесом. Вот тут, примерно на милю выше, опушка с русской стороны. Сейчас десять.

Около трех мы потихоньку выйдем и пойдем по дороге вдоль реки с нашей стороны, пока не дойдем до места против опушки. Там и будете переправляться.

– Почему на открытом месте? – удивился я. – Разве там меня не легче увидеть? Почему не переправиться в лесу?

– Потому что леса патрулируют, и дозоры каждую ночь на новом месте. Мы не можем отследить их передвижений. Несколько человек уже пытались перейти границу в лесу. Кое-кому удалось, но большинство либо попались, либо им пришлось с боем отступать. Но на эту опушку никто не подумает, что там будут переходить, поэтому краснопузые ее не сторожат. Да к тому же на открытом месте нам и самим будет видно, есть ли кто на той стороне. Будем переправлять вас вот тут, – сказал он и показал на место, где река сужалась у опушки. – В этой теснине течение быстрее, вода шумит, так что нас вряд ли услышат. Когда переберетесь на ту сторону, поднимайтесь на холм и возьмите чуть левее. Там тропинка, по которой выйдете на дорогу. Только будьте осторожны, не подходите к дому вот тут. – Он поставил крестик на бумаге у северного края опушки. – Здесь стоит красный дозор, но в три часа ночи они, скорее всего, будут спать.

Оставалось только подготовить «удостоверение личности», которое должно было послужить мне вместо паспорта в Советской России. Мельников говорил, что я могу спокойно представить это дело финнам, которые прекрасно информированы о том, какого рода документы надо брать с собой, чтобы усыпить подозрения красногвардейцев и большевистской полиции. Мы встали из-за стола и прошли в еще одну из трех крохотных комнатук, из которых состоял домик. Это была своего рода контора с письменными принадлежностями и пишущей машинкой на столе.

– Каким именем предпочитаете называться? – спросил меня Покойник.

– Да любым, – ответил я. – Лучше, наверно, если будет не совсем русское. У меня акцент...

– Его не заметят, – сказал он, – но если хотите...

– Напиши ему украинскую фамилию, – предложил другой финн, – у него выговор похож на малоросский.

Украина, иначе Малороссия, – это юго-западный регион Европейской России, где говорят на диалекте с примесью польского языка.

Покойник на минуту задумался.

– Афиренко Иосиф Ильич, – предложил он, – вполне по-украински.

Я согласился. Один из финнов сел за машинку и, тщательно выбрав определенное место на листе бумаги, стал печатать. Покойник подошел к шкафчику, отпер его и достал полную коробку резиновых штампов разных форм и размеров.

– Советские печати, – сказал он, смеясь моему удивлению. – Как видите, мы тут стараемся не отставать от жизни. Часть украдена, часть мы изготовили сами, а эту, – он прижал ее к листу бумаги и оставил отпечаток «Комиссар Белоостровской пограничной заставы», – мы купили за рекой за бутылку водки.

Белоостров – это приграничный русский поселок прямо за рекой.

Еще за предыдущий год я имел возможность не раз убедиться в том магическом действии, которое оказывают на рудиментарный разум большевистских властей официальные «документы» с солидными печатями и штампами. Бумаги со множеством отпечатков были большим подспорьем в поездках, но большая цветная печать была настоящим талисманом, который устранял все препятствия. Формулировка и даже язык документа имели второстепенное значение. Однажды мой друг приехал из Петрограда в Москву, не имея иного пропуска, кроме квитанции от английского портного. На этом «удостоверении личности» была большая типографская шапка с именем портного, несколько английских почтовых марок и подпись красными чернилами. Он размахивал этой бумажкой перед носом чиновников, уверяя их, что это

дипломатический паспорт, выданный посольством Великобритании! Однако это было еще на заре большевизма. Большевики постепенно увольняли со службы неграмотных, и со временем надзор стал очень строгим. Но без печатей по-прежнему обойтись было нельзя.

Финн закончил печатать, он вытянул лист из каретки и передал мне его на проверку. В верхнем левом углу располагался заголовок:

«Чрезвычайный комиссар Центрального исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов».

Дальше следовал текст:

«УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие Иосифу Афиренко в том, что он служит у Чрезвычайного Комиссара Ц.И.К. Петр. Сов. Раб. и Кр. – Арм. Деп. в качестве канцелярского служащего, что подписью и с приложением печати удостоверяется».

– Служит в ЧК? – ахнул я, оторопев от такой наглости.

– Почему бы нет? – невозмутимо сказал Покойник. – Что может быть надежнее?

И в самом деле, что? Что может быть надежнее, чем выдать себя за служащего учреждения, в чьи обязанности входит охота на всякого, старого и молодого, богатого и бедного, образованного и неграмотного, кто посмел сопротивляться и разоблачать эту псевдопролетарскую большевистскую власть? Уж конечно, нет ничего надежнее! С волками жить – по-волчьи выть, говорят русские.

– Теперь подписи и печати, – сказал финн. – Раньше такие справки подписывали Тихонов и Фридман, хотя это не важно, главное – печать.

Из каких-то советских бумаг на столе он выудил одну с двумя подписями, чтобы их скопировать. Подобрал подходящее перо, он нацарапал под текстом моего «паспорта» фамилию Тихонов почти нечитаемым косым почерком. Это была подпись заместителя чрезвычайного комиссара. Документ также должен быть подписан секретарем или его заместителем.

– Распишитесь за секретаря, – сказал финн, смеясь и придвигая листок ко мне. – Только пишите прямо, вот так. Вот оригинал. Его фамилия Фридман.

Глядя на оригинал, я поставил какую-то закорючку, отдаленно напоминавшую подпись большевистского чиновника.

– У вас есть фотография? – спросил Покойник.

Я дал ему снимок, который сделал в Выборге. Обрезав его по краям, финн приклеил его сбоку документа. Потом взял круглую резиновую печать и дважды приложил ее к фотографии. Печать была красная, с такой же надписью по кругу, как и в шапке справки. Внутри печати красовалась пятиконечная большевистская звезда с плугом и молотом⁸ в центре.

– Это ваша справка с места работы, – сказал финн. – Мы дадим вам еще одну для удостоверения личности.

Мне быстро распечатали другую бумагу с такими словами: «Податель сего советский служащий Иосиф Ильич Афиренко, 36 лет». Этот документ сам по себе был не обязателен, но две «бумажки» всегда лучше, чем одна.

Время уже перевалило за полночь, и начальник финского патруля велел нам лечь и недолго поспать. Сам он завалился на диван в столовой. На остальных четверых человек было всего две кровати, и я лег на одну из них с кем-то из финнов. Я пытался заснуть, но сон не шел. В голове роились мысли – о России в прошлом, о жизни, полной приключений, которую я

⁸ До середины 1918 года официальной советской эмблемой был плуг и молот.

решился вести в настоящем, о будущем, о друзьях, которые все еще в Петрограде, но не должны узнать о том, что я вернулся, если я туда вообще доберусь. Я был взвинчен, зато уныние, охватившее меня в поезде, прошло. Я даже чувствовал иронию моего положения. Все это было настоящей авантюрой с одним здоровенным восклицательным знаком! *Forsan et haec olim...*

Два часа отдыха тянулись бесконечно. Я боялся назначенного срока, но мне все равно хотелось, чтобы он наступил поскорее, чтобы все уже закончилось. Наконец из соседней комнаты раздалось шарканье, и финн-Покойник ткнул каждого из нас прикладом своей винтовки.

– Просыпайтесь, – прошептал он, – выходим через четверть часа. Не шуметь. Нас не должно быть слышно в соседнем доме.

Мы были готовы через пару минут. Весь мой багаж заключался в небольшом свертке, который поместился у меня в кармане, там были пара носков, один или два носовых платка и немного сухарей. В другом кармане у меня было виски в бутылочке из-под лекарства, которую я припрятал от Мельникова, и немного хлеба, а деньги я сунул под рубашку. Один из четырех финнов остался в доме. Остальные трое должны были проводить меня до реки. Стояла промозглая ноябрьская ночь, и тьма была хоть глаз выколи. Природа молчала как мертвая. Мы молча вышли из дома, впереди шел Покойник. Один из финнов следовал позади, и все держали винтовки наготове.

Мы украдкой двинулись по дороге, которую накануне вечером финн показал мне на импровизированной карте, низко пригибаясь к земле в тех местах, где деревья не укрывали нас от русского берега. Несколькими ярдами ниже справа я услышал журчание воды. Вскоре мы добрались до ветхой избы, приютившейся на берегу реки в зарослях деревьев и кустарника. Здесь мы ненадолго задержались, прислушиваясь, не слышится ли чего подозрительного. Тишина стояла мертвая. Кроме шума воды, не раздавалось ни звука.

Мы спустились к воде под прикрытием полуразвалившейся избы и кустов. В этом месте река имела около двадцати шагов в ширину. Вдоль обоих берегов шла кромка льда. Я глянул на другой берег. Передо мной был открытый луг, но на заднем плане темнела масса деревьев в сотне шагов по обе стороны от него. Слева виднелось только здание красного дозора, насчет которого меня предупреждали финны.

Покойник занял наблюдательный пункт у небольшого просвета в зарослях. Через минуту он вернулся и объявил, что все в порядке.

– Не забывайте, – еще раз вполголоса проинструктировал он меня, – берите влево, но следите за домом.

Он сделал знак двум другим, и они вытащили из кустов лодку. Бесшумно привязали к корме длинную веревку и положили в лодку шест. Затем они спустили ее по берегу в воду.

– Садитесь в лодку, – прошептал главный, – и отталкивайтесь шестом. Удачи!

Я пожал руки спутникам, глотнул из моего пузырька виски и сел в лодку. Я стал отталкиваться, но, так как позади тащилась веревка, оказалось не так-то просто править маленькой плоскодонкой на быстрине. Я был уверен, что меня обязательно услышат, и посреди реки меня обуяло такое чувство, которое, наверно, испытывает человек по дороге к виселице. В конце концов я добрался до дальнего берега, но удержать лодку в неподвижности, пока высаживался, оказалось совершенно невозможно. Выпрыгнув на берег, я взломал тонкий слой льда. С трудом выкарабкался и стал подниматься по берегу. А лодку за моей спиной торопливо потащили назад в Финляндию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.